ТЕРМИЗ ДАВЛАТ УНИВЕРСИТЕТИ

PHILOLOGICAL RESEARCH: LANGUAGE, LITERATURE, EDUCATION

FILOLOGIK TADQIQOTLAR: TIL, ADABIYOT, TA'LIM

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

Илмий-инновацион журнал

Jurnal OAK Rayosatining 2022-yil 30-sentabrdagi 325/6-son qarori bilan filologiya fanlari bo'yicha doktorlik dissertatsiyalari asosiy ilmiy natijalarini chop etish tavsiya etilgan ilmiy nashrlar ro'yxatiga kiritilgan

2021-yildan buyon nashr etiladi

2026 / № 2,2

Termiz – 2026

Muassis:
Termiz davlat universiteti

PHILOLOGICAL RESEARCH: LANGUAGE, LITERATURE, EDUCATION

FILOLOGIK TADQIQOTLAR: TIL, ADABIYOT, TA'LIM

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

ILMIY-INNOVATSION JURNAL

O'zbekiston Respublikasi Prezidenti Administratsiyasi huzuridagi Axborot va ommaviy kommunikatsiyalar agentligi tomonidan 2020 yil 19 oktyabrda 1122 raqami bilan ro'yxatga olingan. Matnlarda foydalanilgan misol, ko'chirma va ma'lumotlar aniqligi uchun mualliflar javobgardir. Jurnaldan ko'chirib bosilganda manba qayd etilishi shart.

Bosishga ruxsat etildi: 20.06.2026
Qog'oz bichimi: 70x85
Bosma tabog'i: 5.94
Ofset bosma. Ofset qog'ozi
Adadi: 100
Bahosi kelishilgan narxda
Buyurtma: 155-son

«TerDU bosmaxonasi»da chop etildi
Termiz shahri, Barkamol avlod ko'chasi, 43-uy

Tahririyat manzili:
190111, Termiz shahri,
Barkamol avlod ko'chasi, 43.
Telefon: +998990 377 77 23,
+99895 986 07 77

E-mail:
philologicalresearch@umail.uz
Rasmiy sayt:
https://journaltersu.uz

BOSH MUHARRIR:
Abduqodir TOSHQULOV,
iqtisodiyot fanlari doktori, professor

TAHRIR HAY'ATI:

Bekpo'lat Umurqulov, filologiya fanlari doktori, professor (bosh muharrir o'rinbosari)
Shoxista Maxmaraimova, filologiya fanlari doktori, professor (mas'ul muharrir)
O'ral Xoliyorov, f.f.f.d. (PhD), dotsent (O'zbekiston)
Olmos Ulviy Binnatova, f.f.d., professor (Ozarbayjon)
Karl Rayxl, f.f.d., professor (Germaniya)
Vali Savash yelok, f.f.d., professor (Turkiya)
Dorota Silviya, f.f.f.d. (PhD), dotsent (Polsha)
Zabita Mahammad qizi Teymurlu, filologiya fanlari bo'yicha falsafa doktori, dotsent (Ozarbayjon)
Tarana Imomverdi qizi Xojieva, filologiya fanlari doktori, professor (Ozarbayjon),
Muslihiddin Muhiddinov, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Ibodulla Mirzayev, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Abdi Mamatov f.f.d., professor (O'zbekiston)
Suyun Karimov f.f.d., professor (O'zbekiston)
Muhammadxon Hakimov, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Nafas Shodmonov f.f.d., professor (O'zbekiston)
Dilmurod Quronov, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Murodqosim Abdiyev, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Baxtiyor Mengliyev, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Normat Y o'ldoshev, f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Baxtiyor Xolmuxamedov, f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Bobonazar Murtazayev, f.f.n., dotsent (O'zbekiston)
Asqar Eshmo'minov, f.f.d., professor (O'zbekiston)
Obidjon Shofiyev, f.f.f.d. (PhD), dotsent (O'zbekiston)
Zafar Umurqulov, f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Nurali Amonturdiyev, f.f.f.d. (PhD) (O'zbekiston)
Hakim Ahmedov, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Abdulla Xudoyqulov, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Ahad Shukurov, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Eshnazar Jabborov, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Abdumurod Arslonov, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Sirojiddin Turdimurodov, filologiya fanlari doktori, dotsent (O'zbekiston)
Umida Raximova, f.f.f.d. (PhD) (O'zbekiston)
Gulchehra Begmatova, f.f.f.d. (PhD) (O'zbekiston)
Nargis Qurbonazarova, filologiya fanlari doktori, dotsent (O'zbekiston)
Muyassar Xolova, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Shoira Omonturdiyeva, f.f.d., dotsent (O'zbekiston)
Sherzod Turdiqulov, f.f.f.d. (PhD) (O'zbekiston)
Alibek Omonturdiyev, f.f.f.d. (PhD) (O'zbekiston)
Humayun Nadim Muhammad, f.f.f.d., dotsent (O'zbekiston)

Texnik muharrir: Bahodir To'raliyev

Учредитель:
Термезский государственный университет

PHILOLOGICAL RESEARCH: LANGUAGE, LITERATURE, EDUCATION

FILOLOGIK TADQIQOTLAR: TIL, ADABIYOT, TA'LIM
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

НАУЧНО-ИННОВАЦИОННЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрировано Агентством информации и массовых коммуникаций при Администрации Президента Республики Узбекистан от 19 октября 2020 года под номером 1122.

Авторы несут ответственность за точность приведенных в текстах примеров, отрывков и данных. Необходимо указывать источник при копировании из журнала.

Разрешено к печати: 20.06.2026
Размер бумаги; 70x85
Печатный лист: 5.94
Офсетная печать. Офсетная бумага
Тираж: 100. Цена договорная
Заказ: 155

Печатано в «Типографии ТерГУ»
ул. Баркамол авлод 43, г. Термез

Адрес редакции:
190111, г.Термез, ул. Баркамол авлод, 43.
Телефон: +998990 377 77 23, +99895 986 07 77

E-mail: philologicalresearch@umail.uz

Официальный сайт: https://journaltersu.uz

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Абдукадир ТАШКУЛОВ,
доктор экономических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Бекпулат Умуркулов, доктор филологических наук, профессор (зам. главного редактора)
Шохиста Махмараимова, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Урал Холияров, ф.ф.ф.д. (. PhD), доцент (Узбекистан)
Олмос Улвий Биннатова, д.ф.н., профессор (Азербайджан)
Карл Райхл, д.ф.н., профессор (Германия)
Вали Саваш Елок, д.ф.н., профессор (Турция)
Дорота Сильвия, PhD, доцент (Польша)
Забита Магомед кызы Теймурлу, доктор философии по филологии, доцент (Азербайджан)
Тарана Имамверди гызы Хаджиева, доктор наук, профессор (Азербайджан)
Муслихиддин Мухиддинов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Ибодулла Мирзаев, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Абди Маматов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Суюн Каримов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Мухаммадхон Хакимов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Нафас Шодмонов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Дилмурод Куронов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Мурадкасим Абдиев, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Бахтиёр Менглиев, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Нормат Юлдашев, д.ф.н., доцент (Узбекистан)
Бахтиёр Холмухамедов, д.ф.н., доцент (Узбекистан)
Бобоназар Муртазаев, к.ф.н., доцент (Узбекистан)
Аскар Эшмуминов, д.ф.н., профессор (Узбекистан)
Обиджон Шофиев, д.ф.ф.н. (PhD), доцент (Узбекистан)
Зафар Умуркулов, д.ф.н., доцент (Узбекистан)
Нурали Амонтурдиев, д.ф.ф.н. (PhD) (Узбекистан)
Хаким Ахмедов, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Абдулла Худайкулов, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Ахад Шукуров, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Эшназар Джаббаров, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Абдумурод Арслонов, д. ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Сирожиддин Турдимуродов, доктор наук, доцент (Узбекистан)
Умида Рахимова, д.ф.ф.н. (PhD) (Узбекистан)
Гульчехра Бегматова, д.ф.ф.н. (PhD) (Узбекистан)
Наргис Курбаназарова, доктор наук, доцент (Узбекистан)
Муяссар Холова, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)
Шаира Амонтурдиева, д.ф.н., доцент (Узбекистан)
Шерзад Турдикулов, д.ф.ф.н. (PhD) (Узбекистан)
Алибек Омонтурдиев, д.ф.ф.н. (PhD) (Узбекистан)
Хумаюн Надим Мухаммад, д.ф.ф.н., доцент (Узбекистан)

Технический редактор: Баходир Туралиев

Institutor:
Termez State University

PHILOLOGICAL RESEARCH: LANGUAGE, LITERATURE, EDUCATION

FILOLOGIK TADQIQOTLAR: TIL, ADABIYOT, TA'LIM

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ: ЯЗЫК, ЛИТЕРАТУРА, ОБРАЗОВАНИЕ

SCIENTIFIC-INNOVATIONAL JOURNAL

Registered by the Agency for Information and Mass Communications under the President's Administration of the of the Republic of Uzbekistan on October 19, 2020 under number 1122.

The authors are responsible for the accuracy of the examples, passages and data provided in the texts. The source must be specified when copying from the journal.

Approved for printing: 20.06.2026
Size of the paper: 70x85
Printed sheet: 5.94. Offset printing.
Offset paper. Circulation: 100
Price is negotiable
Order: 155. Printed at the «Printing House of the TerSU»
43, Barkamol avlod str. Termez city.

Address of Editorial Office:
190111, Barkamol avlod str., 43,
Termez city.
Phone: +998990 377 77 23,
+99895 986 07 77

E-mail:
philologicalresearch@umail.uz

Official website:
https://journaltersu.uz

EDITOR IN-CHIEF:
Abdukodir TASHKULOV,
doctor of economic sciences, professor

EDITORIAL BOARD:

Bekpulat Umurkulov, doctor of philological sciences, professor (Uzbekistan) (deputy chief editor)
Shohista Makhmaraimova, doctor of philological sciences, professor (Uzbekistan) (editor-in-chief)
Ural Kholiyorov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Olmos Ulviy Binnatova, doct.of philol. sciences, professor (Azerbaijan)
Karl Rayxl, doct.of philol. sciences, professor (Germany)
Vali Salvash Elok, doct. of philol. sciences, professor (Turkey)
Dorota Silvia, PhD, associate professor (Poland)
Zabita Magomed kyzy Teymurlu, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Azerbaijan)
Tarana Imamverdi gizi Khadzhieva, Doctor of Sciences, Professor (Azerbaijan)
Muslihiddin Mukhiddinov, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Ibodulla Mirzaev, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Abdi Mmatov, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Suyun Karimov, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Muhammadkhon Khakimov, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Nafas Shodmonov, doct.of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Dilmurod Kuronov, doct. of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Muradkasim Abdiyev, doct. of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Bakhtiyor Mengliev, doct. of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Normat Yuldashev, doct. of philol. sciences, associate professor (Uzbekistan)
Bakhtiyor Kholmukhamedov, doct. of philol. sciences, associate professor (Uzbekistan)
Bobonazar Murtazaev, cand.of philol. sciences, associate professor (Uzbekistan)
Askar Eshmuminov, doct. of philol. sciences, professor (Uzbekistan)
Obidjon Shofiev, PhD, associate professor (Uzbekistan)
Zafar Umurkulov, doct. of philol. sciences, associate professor (Uzbekistan)
Nurali Amonturdiev, PhD (Uzbekistan)
Hakim Akhmedov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Abdulla Khudaykulov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Ahad Shukurov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Eshnazar Jabbarov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Abdumurod Arslonov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Sirojiddin Turdimurodov, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uzbekistan)
Umida Rakhimova, Doctor of Philosophy in Philology (Uzbekistan)
Gulchekhra Begmatova, Doctor of Philosophy in Philology (Uzbekistan)
Nargis Kurbanazarova, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uzbekistan)
Muyassar Kholova, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Shoira Omonturdiyeva, doct. of philol. sciences, associate professor (Uzbekistan)
Sherzod Turdikulov, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)
Alibek Omonturdiev, Doctor of Philosophy in Philology (Uzbekistan)
Humayun Nadim Muhammad, Doctor of Philosophy in Philology, Associate Professor (Uzbekistan)

Technical editor: Bakhodir Turaliyev

МУНДАРИЖА

TILSHUNOSLIK

ШАКЕНОВА МАЙГУЛЬ ТУЛЕГЕНОВНА
Прецедентные имена как маркеры культурной памяти в современных медиа Казахстана 7

КОДИРОВА МУКАДДАС ТОГАЕВНА
Синергетическая трансформация узбекского и английского бизнес-дискурса 11

BAYNAZAROV ZOKIR
«Chig'atoy gurungi» va uning o'zbek tilshunosligi tarixidagi o'rni 16

XOLNAZAROV UMID ERKINOVICH
Disleksiya neyrolingvistik muammo sifatida 22

RAHMATOVA GAVHAR OMONOVNA
«Devoni lug'ati-t-turk» asaridagi jangnoma she'rlar va ularning semantikasi 28

RAHIMOV USMONJON ERGASHEVICH
Pragmalingvistika va unga bog'liq hodisalarni antroposentrik nazariya asosida tadqiq etish 33

ABDULLAJONOVA MADINA TO'LANBOY QIZI
Disgrafiyaga xos xatolarning yoshga bog'liq dinamikasi 39

КАЛДЫГОЗОВА С.Е.
Термины-эпонимы в психологических блог-дискурсах 46

ASADOV ALISHER BAHODIROVICH
Preventiv nutqiy aktlarning lingvopragmatik va sotsiopragmatik jihatlari 39

ERIMMATOVA ZUXRA AZIMBOYEVNA
Qo'lyozmalarda kotiblarning (nusxa ko'chiruvchilarning) eng muhim amallari 54

ELOVA DILRABO QUDRATILLAYEVNA
Normativ matn talqinida sintaktik qamrovning o'rni 60

NORMO'MINOV SHERZOD TO'YCHIYEVICH
O'zbek shevalarida leksik tanlovning yosh omili: avlodlararo qatlamlanish 65

SAMINOV ABDUMALIK INOMJONOVICH
Oksyumoronning sintaktik-stilistik va lingvopoetik xususiyatlari (Shavkat Rahmon she'riyati misolida) 68

FAYZIYEVA AZIZA ANVAROVNA
Axloqiy-hissiy konseptlar: sof hissiy va sof axloqiy konseptlardan farqlanish mezonlari 72

ABDULLAYEV DAVRONBEK DILMUROD O'G'LI
«Maoniy an-nahv» kitobida «na'ti maqtu'» (uzilgan sifat) hodisasi 76

BABAXANOVA DILAROM AXMATXANOVNA
Ona tili boyligi – madaniy nutqni shakllantiruvchi vosita 79

ИСЛОМОВА ДИЛНОЗА УЙГУН КИЗИ
Понятие и функции социальной рекламы в обществе 82

ASATULLOYEVA MUHAYYO ALISHER QIZI
Til birliklarining pragmalingvistik xususiyatlari: informema va pragmema oppozitsiyasida frazeologik birliklarning o'rni 86

МУНДАРИЖА

MURODULLAYEVA SARVINOZ YORQIN QIZI
Xudoyberdi To‘xtaboyev hikoyalarida milliy-madaniy birliklar tarjimasi:
milliy koloritni saqlash strategiyalari 90

O‘ROQOVA MUBORAK
Sud-tibbiy ekspertiza matnlarining diskursiv xususiyatlari 94

TURSINBAYEVA SHAXLOXON ALIMBAYEVNA
Badiiy matnda sharqona muloqot etiketi va nutqiy strategiyalar 97

XALIQULOVA MUSHARRAF EGAMNAZAR QIZI
Ijtimoiy reklama diskursida til, ma’no va madaniyat munosabati 102

ABDUMUMINOVA DILNOZA XOMIT QIZI
Ingliz tilida holat fe’llarining metaforik kengayishi 105

TURAEVA ORASTA
Ways of expressing irony in the heroic dramas of John Dryden 109

ADABIYOTSHUNOSLIK

RAHMATOVA GAVHAR OMONOVNA,
SOTVOLDIYEV SIROJIDDIN MAXAMMADDIN O‘G‘LI
«Devonu lug‘ati-t-turk» asaridagi she‘riy uzindilar badiiyati 116

RAIMOVA SAYYORA ZAITOVNA
Intertekstual birliklarning poetik vazifasi 123

TASHPULATOV MUXRIDDIN RAXMATULLA O‘G‘LI
Jadid dramaturgiyasining g‘oyaviy-badiiy xususiyatlari 127

FAYZULLAYEVA NIGINA SUR’AT QIZI
Badiiy tafakkurda jinoyat va psixologiya o‘zaro aloqadorligining estetik talqini 132

БУРАНОВА ЖАМИЛА АЛИЕВНА
Влияние мифологических мотивов создания и разрушения на сюжет романа 135

МУҲАММАД АБДУЛЛАЕВ
Убайдий ижодида салафлари ижоди таъсири 139

RAMAZON ABDULLAEV
Muizziy qasidalarda lirik mazmun va badiiy mahorat 142

TA’LIM

XALILOVA MUYASSARXON TOLIPOVNA
Bog‘lanishli matn yaratish malakasini rivojlantiruvchi zamonaviy metodlar 145

Резюме. В данной статье анализируется эстетическая интерпретация взаимосвязи преступления и психологии в художественном мышлении. Освещается связь феномена преступления с внутренним миром человека, психологическими конфликтами и травматическим мышлением. На основе психологического реализма, внутреннего монолога, потока сознания и художественного выражения чувства вины раскрываются эстетические особенности изображения психологии героя. Также рассматриваются психологические основы преступления и его художественно-эстетическая функция в современной американской и узбекской детективной прозе.

Filologik tadqiqotlar: til, adabiyot, ta'lim. 2026; 5
ISNN: 2181-1741 (Print)
ISNN: 2181-1725

ВЛИЯНИЕ МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ СОЗДАНИЯ И РАЗРУШЕНИЯ НА СЮЖЕТ РОМАНА

Буранова Жамила Алиевна,
докторант кафедры узбекского литературоведения
Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

В современной литературе и филологии миф продолжает оставаться одним из мощнейших инструментов художественного осмысления реальности. Е.М. Мелетинский подчёркивал, что «мифология есть необходимое условие и первичный материал для всякого искусства», а в литературе XX века наблюдается «возрождение» мифа, объясняемое стремлением связать понятие «человек» с понятием «человечество» и увидеть за данным отрезком времени многовековую протяженность[1]. В эпоху глобализации, стремительной цифровизации и кризиса традиционных ценностей мифологическое мышление не только не утрачивает своей актуальности, но, напротив, обретает новое дыхание. Оно выступает универсальным языком, способным соединять архаику и постмодерн, Восток и Запад, сакральное и профанное[2].

Мифологические мотивы создания (космогония, акт демиурга, превращение хаоса в космос, рождение новой формы) и разрушения (апокалипсис, энтропия, метаморфоза как утрата или освобождение от формы, возврат к изначальному хаосу) не просто обогащают текст декоративными элементами. Они часто становятся определяющими для его сюжетной архитектоники, задавая глубинную логику повествования и внутреннюю динамику произведения. Эти мотивы позволяют авторам моделировать фундаментальные философские категории: природу бытия и небытия, иллюзорность мира, циклическую природу времени, хрупкость человеческой идентичности и границы между реальным и ирреальным.

В.Н. Топоров отмечал, что в мифопоэтическом хронотопе «время сгущается и становится формой пространства», а пространство, напротив, «заражается» внутренне интенсивными свойствами времени и «втягивается в его движение»[3]. М.М. Бахтин в концепции диалога культур подчёркивал, что «диалог как форма бытия культуры» позволяет различным культурным традициям вступать в продуктивное взаимодействие, сохраняя свою уникальность[4].

Особую остроту данные мотивы приобретают

[1] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 12.
[2] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 45–47.
[3] Топоров В.Н. Мифологический хронотоп // Избранные труды. – М., 1995. – С. 232–233.
[4] Бахтин М.М. К философии поступка // Работы 1920-х годов. – Киев, 1994. – С. 89.

в литературе переходных эпох, когда привычная картина мира рушится, а новая ещё не сформировалась. В таких условиях миф становится инструментом как реконструкции утраченной целостности, так и её радикального переосмысления. Центральноазиатская и русская постсоветская проза представляет в этом смысле исключительно плодотворный материал. Здесь мифологические архетипы активно взаимодействуют с локальной культурной памятью – суфийской традицией, тенгрианскими представлениями, буддийской философией пустоты и травматическим опытом XX века[1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью глубокого анализа того, как древние мифологические модели создания и разрушения трансформируются в современной романной форме и определяют её сюжетные стратегии. Объектами анализа избраны два ярких и во многом показательных произведения конца XX века: роман Тимура Пулатова «Черепаха Тарази», глубоко укоренённый в среднеазиатской культурной почве, и роман Виктора Пелевина «Чапаев и Пустота», представляющий постмодернистский вариант русской литературы с выраженным буддийским подтекстом.

Несмотря на очевидные культурные, стилистические и мировоззренческие различия, оба романа демонстрируют удивительную типологическую близость в использовании мифологических мотивов создания и разрушения как основы сюжетостроения. Как отмечает Э.Ф. Шафранская, в прозе Т. Пулатова мифопоэтика служит способом синтеза национальных образов мира с универсальными архетипами[2].

Цель статьи – выявить и описать механизмы влияния мифологических мотивов создания и разрушения на сюжетную организацию романов Т. Пулатова и В. Пелевина. Задачи исследования: раскрыть теоретические основы изучения мифологических мотивов в современном романе; провести детальный анализ функционирования мотивов создания и разрушения в каждом из произведений с привлечением подлинных текстовых примеров; осуществить сравнительно-типологическое сопоставление романов; определить, как данные мотивы влияют на философскую глубину и художественную структуру текстов.

Таким образом, исследование находится на пересечении мифопоэтики, компаративистики и современной нарратологии, что позволяет по-новому взглянуть на природу мифологизированного романа рубежа XX–XXI веков.

Исследование выполнено в рамках мифопоэтического, мотивного, сравнительно-типологического и нарратологического подходов. Применяются идеи М.М. Бахтина о диалоге культур, Е.М. Мелетинского о поэтике мифа и В.Н. Топорова о мифологическом хронотопе. Основным методом работы с текстом стало качественное кодирование ключевых мотивов: создание (демиургия, космогония, метаморфоза как рождение), разрушение (энтропия, апокалипсис, растворение формы). Анализ опирается исключительно на подлинные цитаты из романов с указанием страниц по наиболее доступным изданиям.

Художественный мир романа Т. Пулатова «Черепаха Тарази» представляет собой сложный синтез, глубоко укоренённый в среднеазиатской культурной и философской почве. Автор выстраивает многослойное повествование, в котором органично переплетаются догматы суфийской философии, концепция танасуха (переселения душ) и архаичные космогонические представления о строении мироздания. Центральная фигура произведения – бухарский учёный Тарази – посвящает свою жизнь «тестудологии», которая становится метафорой демиургического акта и попыткой человека взять на себя функции творца. Ключевым мифологическим и сюжетным узлом текста выступает эпизод метаморфозы судьи Бессаза, превращающегося в гигантскую черепаху. Данный процесс рассматривается автором не просто как физиологическое изменение, а как амбивалентный акт: одновременное созидание новой биологической формы и тотальное разрушение прежней человеческой идентичности[3]. Черепаха здесь выступает древним мифологическим символом устойчивости и мироздания, который в руках Тарази превращается в объект опасного эксперимента.

Пространственная организация романа также подчинена мифологической логике. Образ города, неумолимо засыпаемого песками, служит мощным символом энтропии и разрушения цивилизации. Пустыня в тексте Пулатова – это не просто географический ландшафт, а мифологическая сила, возвращающая упорядоченный космос в состояние первозданного хаоса. Пески стирают границы между прошлым и настоящим, нивелируя результаты человеческого созидания[4]. Идейный конфликт произведения строится на

[1] Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова: национальные образы мира. – М.: URSS, 2005. – С. 78–82.
[2-3] Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова: национальные образы мира. – М.: URSS, 2005. – С. 145.
[3] Пулатов Т. Черепаха Тарази. – М.: Художественная литература, 1993. – С. 212.
[4] Пулатов Т. Черепаха Тарази. – М.: Художественная литература, 1993. – С. 7.

демиургической гордыне Тарази, пытающегося «улучшить» природу и форсировать эволюцию. Финал романа демонстрирует крах рационализма перед лицом вечных законов бытия. Герой приходит к осознанию иллюзорности своего контроля над процессами трансформации, замыкая повествование в классическое мифологическое кольцо: странствия – эксперимент – метаморфоза – осознание – возвращение.

Анализ романа В. Пелевина позволяет выявить принципиально иную парадигму мифологизма, где категории создания и разрушения переосмысляются сквозь призму постмодернистской иронии и буддийской метафизики. Как отмечает М. Липовецкий, в прозе Пелевина «миф выступает одновременно объектом деконструкции и главным инструментом конструирования новой реальности», а буддийская философия становится «метаязыком постмодернистского письма»[1]. В отличие от классических мифологических систем, где созидание и деструкция упорядочены во времени, у Пелевина эти процессы синхронизированы. Центральным структурообразующим концептом произведения становится Пустота (шуньята) – универсальная субстанция, выступающая одновременно абсолютным источником всех проявленных форм и метафизической силой, их аннигилирующей.

Е.М. Мелетинский подчёркивал, что в современной литературе миф способен «воссоздавать целостную модель мира», даже если эта целостность иронична и относительна[2]. Автор выстраивает сложную архитектонику сюжета на постоянном колебании между двумя реальностями: мифологизированной эпохой Гражданской войны 1919 года и клиническим пространством психиатрии 1990-х. В художественной ткани романа обе эти плоскости демифологизируются и предстают как равнозначные, взаимозаменяемые иллюзии сознания.

В.Н. Топоров, говоря о мифологическом хронотопе, отмечал возможность существования «многомерного времени-пространства», в котором реальности наслаиваются и взаимопроникают[3]. Мотив создания мира здесь лишён демиургического пафоса и переведён в плоскость субъективного восприятия. В философских диалогах с Чапаевым, который выступает в роли «просветлённого наставника», утверждается, что любая реальность – это лишь проекция ума. Следовательно, акт творения мира происходит ежесекундно, но это «творение» мгновенно подлежит ментальному разрушению из-за своей онтологической зыбкости: «Любая форма – это пустота. Но это значит, что пустота – это любая форма»[4].

Разрушение в романе интерпретируется не как трагедия или конец бытия, а как радикальное освобождение духа от диктата ложных форм. А. Генис справедливо указывает, что у Пелевина «буддийская пустота становится постмодернистской иронией над любой устойчивой картиной мира»[5]. Одним из наиболее репрезентативных примеров такой деструкции является мотив экзистенциального побега героя. Петр Пустота осознает, что линейного пути к спасению не существует: «Убегает сумасшедший по фамилии Пустота. Времени для побега нет, и он про это знает. Больше того, бежать некуда, и в это «некуда» нет пути»[6]. Это разрушает привычную мифологему «пути героя», превращая её в метафору внепространственного прыжка в истинную реальность.

Финал произведения знаменует собой полное растворение субъекта в Пустоте, где дихотомия создания и разрушения окончательно снимается в акте просветления. Сюжетная структура текста остаётся предельно фрагментарной: каждая последующая глава выполняет функцию деконструкции предыдущей картины мира, последовательно возводя новую интеллектуальную иллюзию, чтобы тут же её разоблачить. Таким образом, миф о Чапаеве как о бодхисаттве органично соединяется с буддийской космогонией, согласно которой мир рождается из «омраченного» ума и разрушается (очищается) усилием того же ума, стремящегося к истине[7].

Проведённый сравнительно-типологический анализ позволяет выявить как глубокие архетипические совпадения, так и концептуальные различия в использовании мифологем создания и разрушения в творчестве Т. Пулатова и В. Пелевина. В обоих произведениях данные мотивы выступают не просто как тематические элементы, но как основные сюжетообразующие факторы, определяющие архитектонику текстов.

---

[1] Липовецкий М. Паралогии: трансформации постмодернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – С. 412.

[2] Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Восточная литература, 2000. – С. 312.

[3] Топоров В.Н. Мифологический хронотоп // Избранные труды. Т. 1. – М., 1995. – С. 235.

[4] Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – С. 145.

[5] Генис А. Иван Петрович умер. – М.: Вагриус, 1999. – С. 178.

[6] Пелевин В. Чапаев и Пустота. – М.: Вагриус, 1996. – С. 378.

[7] См.: Торчинов Е.А. Введение в буддизм. – СПб.: Амфора, 2005. – С. 89–92.

В романе Т. Пулатова мотивы трансформации жёстко детерминированы восточной (суфийско-тюркской) традицией. Метаморфоза черепахи и человека в его художественном мире символизирует циклическое обновление бытия через обязательное разрушение косной формы и последующее возвращение к субстанциональному единству мира. Сюжетное движение здесь направлено к трагическому катарсису, где демиургический эксперимент Тарази оборачивается крахом человеческой самости перед лицом вечности[1].

Напротив, в поэтике В. Пелевина данные мотивы приобретают подчеркнуто иронический, множественный и релятивистский характер. Разрушение у Пелевина выступает как тотальный и одновременно освобождающий процесс: Пустота интерпретируется как альфа и омега существования – источник любого творения и его неизбежный финал. Как отмечает исследовательница творчества Пелевина С. Полотовская, «пустота у Пелевина – это не отсутствие, а полнота всех потенциальных форм»[2]. Если у Пулатова доминирует притчевая эпичность, пафос трагизма и онтологическая серьёзность, то Пелевин выстраивает нарратив на принципах постмодернистской игры, интертекстуальности и буддийской иронии. Тем не менее, обоих авторов объединяет радикальная критика рационалистического типа «творчества». Будь то научный эксперимент Тарази или идеологизированный революционный миф Чапаева – в обеих художественных системах попытка насильственного переустройства реальности приводит к хаосу либо к духовному просветлению через полное нивелирование эго. Использование мифологических паттернов позволяет писателям преодолеть ограничения линейного классического романа, формируя открытый, циклический и многомерный сюжет, ориентированный на глубокую философскую рефлексию читателя.

Мифологические мотивы создания и разрушения в исследуемых романах Т. Пулатова и В. Пелевина выполняют фундаментальную структурообразующую функцию, определяя не только динамику сюжета, но и специфику художественного конфликта.

В центральноазиатском и постсоветском литературном контексте мифологические архетипы создания и разрушения выступают мощным инструментом осмысления «травмы времени», кризиса личностной и культурной идентичности, а также поиска альтернативных форм метафизического бытия. При этом различие творческих подходов – суфийский мистицизм и циклическое мировидение у Т. Пулатова и буддийский солипсизм, игра с иллюзорностью реальности у В. Пелевина – ярко подчёркивает вариативность и гибкость постмодернистского мифологизма, способного успешно адаптировать архаичные коды под решение актуальных социокультурных и философских задач. Перспективы дальнейших исследований видятся в расширении корпуса анализируемых текстов за счёт привлечения прозы других авторов Центральной Азии, творчество которых развивается на стыке национального мифа и постмодернистской эстетики.

Rezyume. Maqolada zamonaviy prozada mifologik yaratilish va yo'q qilish motivlarining syujet tuzuvchi element sifatidagi roli o'rganiladi. T. Po'latovning «Taraziying toshbaqasi» va V. Pelevinning «Chapaev va Bo'shliq» romanlari misolida kosmogonik va apokaliptik arxetiplar syujet arxitektonikasi, personajlar dinamikasi va asarlarning falsafiy chuqurligini belgilashi tahlil etiladi. Bu motivlar klassik romanning chiziqliligini yengib, ochiq va falsafiy boy syujet modelini yaratishga imkon berishi ko'rsatilgan.

Resume. The article explores the role of mythological motifs of creation and destruction as plot-forming elements in modern prose. Based on T. Pulatov's novel «The Turtle of Tarazi» and V. Pelevin's «Chapaev and Emptiness», it analyzes how cosmogonic and apocalyptic archetypes determine the plot architectonics, character dynamics, and philosophical depth of the works. These motifs help overcome the linearity of the classical novel and create an open, philosophically rich narrative model.

Резюме. В статье исследуется роль мифологических мотивов создания и разрушения как сюжетообразующих элементов в современной прозе. На материале романов Т. Пулатова «Черепаха Тарази» и В. Пелевина «Чапаев и Пустота» анализируется, как космогонические и апокалиптические архетипы определяют сюжетную архитектонику, динамику персонажей и философскую глубину произведений. Показано, что данные мотивы позволяют преодолеть линейность классического романа и создать открытую, философски насыщенную сюжетную модель.

[1] Шафранская Э.Ф. Мифопоэтика прозы Тимура Пулатова. – М.: URSS, 2005. – С. 167.

[2] Полотовская С. Буддийские мотивы в творчестве Виктора Пелевина // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. – 2012. – № 3. – С. 124.